

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НАСИЛИЯ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ НАЧАЛА XX ВЕКА**

О. С. Борисова

**Белгородский государственный национальный исследовательский
университет, г. Белгород, Россия**

**VIOLENCE REPRESENTATION IN CULTURE
OF THE BEGINNING OF THE XX CENTURY**

O. S. Borisova

Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Summary. The article discusses the anthropological aspect of representation of Russian revolutions of the beginning of the XXth century in the Soviet culture of 20–30^s of the XXth century.

Key words: revolution; culture; event; discourse.

Русская революционная культура возникает уже к революции 1905 г. Но сразу стоит оговориться, что до 1917 г. она предстает в статусе субкультуры, культуры «подпольного человека». Так М. Могильнер утверждает, что: «литературный эпос радикализма успел приобрести законченные формы к началу XX века, именно к тому моменту, когда наряду с окончательной кристаллизацией типа профессионального революционера, организационно оформилась партийная система, определявшая политическую историю радикальной интеллигенции и страны в целом вплоть до Октября 1917 года» [1, с. 7]. Мифология, воплощенная в художественном нарративе, массово освоенном революционерами, сложившаяся организационная структура и политический революционный дискурс есть бесспорное свидетельство сложившейся революционной субкультуры.

Ее истоки подробно описаны как ее сторонниками, так и противниками. Интеллигентская по «социальному происхождению», она проистекала из отчужденности русской интеллигенции от народа и государства, отсутствии прочных традиций и увлеченность идеями, мало соотносящимися с реальностью. Преобладание формы над реальным содержанием в идеологии «подпольного человека» диагностировалось целым рядом отечественных мыслителей, среди которых был Н. Н. Страхов. Его слова-диагноз, поставленный русской радикальной интеллигенции позже будут повторяться в «Вехах» и станут типичными в описании ситуации конца XIX начала XX веков в России. В частности, в своей рецензии на роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание. Роман в шести частях с эпилогом», он пишет: ««У нас же – мы должны это помнить – тьма, глубокая тьма царит над умами; у нас нет для суждений твердых, ясных точек опоры; мы до сих пор не умеем понимать широко и тонко и потому все перетолковываем, все прикидываем на узкие мерки кой-каких понятий, нахватанных нами из хаоса чужих мнений» [4]. Отсутствие традиций, точек опоры для рефлексии и саморефлексии в том числе, объясняют резкое противостояние радикальной, революционной субкультуры и базовой культуры.

Свой исток революционная субкультура черпала в философии и воплощала в литературном мифотворчестве. Общей же схемой взаимодействия этой субкультуры и базовой культуры была жесткая дуальность, противостояние и неприятие, выразившееся в насильственных формах террора. Эта дуальность воспроизводилась в идеологических текстах и ментальных схемах, оказывала влияние на поведение и принятие решений. Ее следы мы можем найти в позднейшей революционной культуре, ставшей легитимной и официальной. Но, противостояние не следует понимать тотально, как полное неприятие, поскольку при этом революция и последующая легитимация революционной культуры были бы невозможны. Радикальная субкультура находила поддержку в широких кругах российского общества: «моральная санкция общества была необходимым условием существования радикальной интеллигенции – нового социального феномена, лишенного возможности найти оправдание своим действиям как в традиции, так и в общепринятой

морали» [1, с. 19]. Эта санкция имела символическое происхождение, поскольку формировалась посредством литературного творчества. В терминах философии события можно сказать, что традиция и онтология «подпольного человека» конструируется дискурсивно в событии-репрезентации.

Сами революционеры уравнивали слово и дело, при некотором приоритете первого. Мысль о том, что идея, слово формирует действительность не вызывала сомнения и репрезентация радикалов, их идеализированный и романтизированный образ действительно влиял на реальность: «беллетристика была манящей вывеской параллельного мира, вербовавшей все новых и новых желающих переступить его порог. В автобиографиях революционеров, вступивших на эту стезю в 1870-х годах, нечаевский процесс и художественная литература фигурируют как равноценные факторы, определившие их жизненный выбор» [1, с. 24]. Более того, вплетенность реальности в нарратив, не только привлекала адептов в революционную субкультуру, но и в определенной мере легитимировало ее. Это действительно было противостояние реальности и фантома, базовой культуры реальных форм и виртуального мира образов и идей под названием «революция».

Ориентированность на печатное слово сохраняется и после 1917 г., стесненные объективными обстоятельствами, большевики прилагают максимум усилий для увеличения публикаций. Статистические данные, приводимые Ш. Плаггенборгом в работе «Революция и культура» доказывают это: «...в 1928 г. удалось превзойти предвоенные показатели 1913 г. по количеству опубликованных названий. В этом году вышло 270,5 млн экземпляров книг на 68 языках...» [2, с. 141]. Естественно, большая часть литературы, издававшейся начиная с 1917 г. носила пропагандистский характер и направлялась, прежде всего, в армию и крупные города. Провинция снабжалась печатью недостаточно и с опозданием вплоть до 30-х гг. Но общая тенденция, наметившаяся еще в дореволюционный период, сохраняется. Революционная культура зарождалась как нарративная, конституировалась в формах художественного слова и легитимировалась в дискурсе и с его помощью. В рамках этого дискурса событие-репрезентация революции было апроприировано идеологией в первую очередь.

Если к 30-м годам XX века применимо утверждение о тотальности контроля применительно ко всем способам репрезентации революции, то в отношении печатного слова это произошло гораздо раньше, поскольку уже на третий день после свершения Октябрьской революции Совет народных комиссаров Декретом о печати запретил выпуск прессы небольшевистского содержания [2, с. 129].

Именно этим, мы можем предположить, объясняется «нечувствительность» политико-идеологического дискурса к произошедшим переменам, принципиальная нефиксируемость события-репрезентации революции в текстах самих революционеров. Они воспроизводили уже устоявшиеся модели революционной субкультуры, получившей возможность легализации, а ее носители образовали политическую элиту. Революционная субкультура, создавшая идеализированный образ революционера и революции, столкнулась с необходимостью перехода в иной статус, культуры легальной. «Выход из подполья» был осуществим только в принятии иных маргинальных субкультур и их если не полной, то частичной легализации. Борьба за власть делала необходимым поиск союзников, что было сопряжено с уступками в собственных представлениях.

Именно в этом ключе стоит рассматривать проект присвоения революционной культурой сферы музыкального творчества. Поскольку можно предположить, что революция как событие образовало столкновение образа революции, сложившегося в радикальной революционной субкультуре (план воплощения идеи профессиональными революционерами), события-репрезентации (отражение события в творчестве (прежде всего композиторов, художников, писателей и режиссеров)), а также того, что Бадью связывал с «изменой» событию, его прекращением, то, что можно связать с противоположным как идеологическому плану революции (коллективному идеальному), так и субъективному плану революции как уникального; того, что отождествимо с рассмотрением революции в соотношении с погромом, бунтом, преступлением и проч. Это своеобразное третье измерение революции, которое ей сопутствует и связано, но существует как бы параллельно. Своеобразная «изнанка» революции и революционной культуры, которая тесно

соприкасалась с субкультурой преступного мира (равно как и другими субкультурами, например крестьянской и солдатской).

Как и в случае литературы, музыкальное воплощение образа революции начинается довольно рано. Уже в 1914 году этот образ обыгрывается в смысловом поле космогонии как перехода хаоса в космос и далее эти мотивы сохраняются: «линия космогонии была продолжена и после революции в таких сочинениях, как кантата «Октябрь» и симфоническая поэма «Комсомолия» Николая Рославца или утраченная симфоническая поэма Владимира Дешевова «1918 год» («Большевики»)» [3, с. 403]. Вдохновленные музыкой Вагнера, композиторы и режиссеры пытались репрезентировать событие революции в традиционных формах и наиболее подходящими образами были образы стихии: вихря (балет «Красный вихрь» Дешевова), солнца (балет «Мироздание» Лопухова). Сами же традиционные формы, по словам современников, были признаны негодными для новой «музыки революции».

Однако с середины 20-х годов, форма была найдена, ее жанровой основой послужили мистерии, являвшиеся элементом первомайских и иных массовых торжеств революции. Сюжетно она сводилась к сотериологической мифологической схеме. Возможно, что именно она актуализировала архетипические фигуры героев-заступников народа Степана Разина и Емельяна Пугачева [3, с. 409–413]. В целом же, предпринимавшиеся поиски формы и содержания, вполне укладывались в традиционную линию радикальной субкультуры, отождествлявшей себя с заступниками или мстителями за народ [1].

К другим аспектам этой линии следует отнести попытки адаптации песенного наследия Французской революции и ее позиционирование как «музыки революции». Однако, несмотря на официальную позицию власти, считавшей себя наследницей французских революционеров, эксперимент не удался: «так или иначе, все попытки получить какую-либо осязаемую практическую пользу от извлеченной из архивов прикладной – песенной, маршевой и т.п. – музыки Французской революции оказались безуспешными. Характерные для конца XVIII века принципы эстетического монументализма также оказываются в раннесоветскую эпоху все менее и менее действенными. Если для празднеств первых лет революции они еще могли сыграть роль образца, то к 1930-м годам исчерпанность их художественного потенциала становится все более осязаемой...» [3, с. 418].

Оставляя в стороне вопрос о «превращении», апроприации революционной культурой музыки своих идейных и политических оппонентов, обратимся к обозначенному выше аспекту, а именно процессу популяризации «низовых жанров», так называемой «блатной песни» и жестокого романса. По словам М. Раку, именно эти жанры составили подлинную «музыку революции» и с этим утверждением следует согласиться. Здесь, в пространстве «улицы», культуры повседневности, в первые десятилетия революции фигура профессионального революционера с установкой на воспроизводство готовых культурных форм уступила место фигуре вора, жулика или бандита, подчас с революционным прошлым.

Это была «изнанка» революции, ее «спутник», который не стремился к легитимации, но к самовыражению, это не проект, а реальность революции. В социально-психологическом смысле, такие песни являли собой пример символизации насилия, щедро выплеснувшегося на улицы. В антропологической презентации того третьего типа, который равно противостоял носителю идеи (идеологии) революции как пост-события (профессиональному революционеру) и носителю события-революции (воспринявших революцию как событие истины).

Библиографический список

1. Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. – М. : НЛЮ, 1999. – 208 с.
2. Плаггенбург Шт. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. – СПб. : Журнал «Нева», 2000. – 416 с.
3. Раку М. «Музыка революции» в поисках языка // Антропология революции. – М. : НЛЮ, 2009. – С. 400–435.
4. Страхов Н. Н. Литературная критика. – М. : Современник, 1984. URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n.

© Борисова О.С.